

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ СТАРОСТИ
В РУССКОЙ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ**

Ключевые слова: русские, крестьянское общество, старость, старухи, ритуальная деятельность, обычаи, обряды, моральные нормы

Статья посвящена исследованию хозяйственных и семейно-бытовых ролей пожилых женщин в русской крестьянской культуре. Авторы показывают, почему старых женщин в русских семьях боялись и в то же время дорожили ими, почему и сегодня бабушки необходимы в российской повседневности. Старухи в русских семьях, выступая соорганизаторами семейного уклада, иногда имели большую власть даже при взрослых детях. Они были хранительницами традиций и преданий, освобождая время женщинам фертильного возраста, воспитывали маленьких детей. Именно пожилые женщины в русской деревне пореформенного времени формировали общественное мнение, контролируя соблюдение норм морали и строго определенных обязанностей отдельными членами семьи, рода, крестьянского мира, участвовали в организации сельских праздников и иных значимых мероприятий.

DOI: 10.31857/S086954150002457-2

“Есть старуха – так бы убил, нет старухи – так бы купил”

Актуальность “женской темы” во всех областях гуманитарного знания уже ни у кого не вызывает сомнений. Не требует пояснений для любого, знакомого с историей России, и то, что ценности традиционной культуры крестьянства скрепляли общество столетиями. Несмотря на коренные перемены в укладе жизни и менталитете, эти ценности в том или ином, подчас трансформированном, виде во многом сохраняются и сейчас. Вот почему при общей тенденции к старению нации, населения страны и Европы в целом (о чем сейчас не вспоминает лишь ленивый) стоит больше внимания уделять размышлениям о том, как в русской крестьянской традиции относились к старым людям вообще и к пожилым женщинам в частности.

Рамки исследования охватывают губернии Центральной, Северо-Западной и отчасти Западной России, включая и территорию, являющуюся историческим

Зинара Зиевна Мухина | <http://orcid.org/0000-0002-2226-1864> | mukhiny@mail.ru | д.и.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук | СТИ НИТУ “МИСиС” (Микрорайон им. Макаренко 42, Старый Оскол Белгородской обл., 309516, Россия)

Наталья Львовна Пушкарева | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | д.и.н., профессор, заведующая сектором этногендерных исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при поддержке НИР Сектора этногендерных исследований ИЭА РАН “Гендерные системы и гендерные отношения в прошлом и настоящем”.

ядром страны. Именно здесь формировались традиционный менталитет русско-го крестьянства, его мировоззрение, жизненный уклад и быт, отсюда они распространялись крестьянами-переселенцами, осваивавшими новые территории (напр., в Поволжье).

Нельзя сказать, что эта тема для нашей историографии нова. Но в массе работ о старости внимание сосредоточено в основном на экономической и социальной неполноценности старых людей, а в исследованиях этнографов — на делегировании им некоторых ритуальных функций (Панченко 2005; Neumann 1968). Такие подходы представляются нам односторонними: очень важно разобраться в том, как осмыслялся и ритуализовывался процесс утраты статуса зрелости и полноправности, как именно — в хорошо сбалансированной и устойчиво функционировавшей системе русских крестьянских неписаных этических норм — происходило замещение формальной дееспособности на имевшие высокую значимость мудрость и знание традиций и обрядов. Каким образом этот процесс поддерживал стабильность крестьянского социума? Почему отношение русского народа к старикам и старухам выражалось поговоркой (Селиванов 2011: 12), вынесенной в эпиграф статьи?

Эвристически ценной была бы попытка выявить вектор перемен. В русской пореформенной деревне происходило серьезное трансформирование семейных отношений, и хотелось бы оценить, насколько они были желаемы женщинами, в т.ч. и пожилыми.

Образ старухи в русской культуре занимает особое место; он широко распространен в фольклоре (Баба-яга) и в произведениях великих писателей XIX в.: А.С. Грибоедова (“Горе от ума” — старуха Хлестова), А.С. Пушкина (“Пиковая дама”), М.Ю. Лермонтова (“Тамань”), Ф.М. Достоевского (“Преступление и наказание”), Н.С. Лескова (“Тупейный художник”), А.М. Горького (“Старуха Изергиль”). Возникает вопрос: каково было отношение к утрате женщинами фертильности и переходу в иную социовозрастную группу крестьянского социума?

Ясно, что старухи (*старушки, бабки, бабушки*) относились к категории пожилых женщин, характеризующейся специфической деятельностью и особенностями взаимодействия с другими социовозрастными группами. Предполагается, что маркером перехода в категорию старух считалась утрата способности к деторождению и в связи с этим добровольный отказ от функций главной хозяйки. Непосильная работа, частые роды рано старили крестьянок. Какой возраст определял переход женщины в группу пожилых? Относительная граница старости отражена в поговорке: “Сорок лет — бабий век” (Даль 1978–1980. Т. 1: 34). Знаком наступления старости могло быть и рождение первого внука (Кабакова 2012: 160), и прекращение регул, что у многих женщин происходило в 45–50 лет; в некоторых частях страны это могла быть женитьба старшего сына. Старуха со стариком с этого времени спали отдельно от детей в особом месте (изредка в какой-нибудь комнате, чаще на печи). Символическое отделение от молодых могло сопровождаться появлением новых детей у “стариков”, однако ритуал соблюдался. После 50 лет “считалось грехом рожать детей и даже спать вместе” (Бернштам 1988: 36, 68), между тем женщины могли выглядеть еще вполне цветущими (“Хороша сударушка, хоть давно и бабушка”, “У нас в избушке красны старушки”).

Можно ли количественно оценить группу пожилых крестьянок? По материалам переписи 1897 г. в уездах Владимирской губ. на женщин в возрасте от 50 до 59 лет приходилось 8,0%, от 60 лет и старше — 9,5% всего женского населения (ПВПНРИ. Т. VI: V). В Орловской губ. эти группы составляли соответственно 6,78% и 6,5% (ПВПНРИ. Т. XXIX: IX), в Московской — 8,21% и 8,57% (ПВПНРИ. Т. XXIV: XVII), в Воронежской — 6,38% и 6,28% (ПВПНРИ. Т. X: IV). Как видим, социовозрастная группа старух

была немногочисленной, но заметной – 6–10% женского населения. Когда мы применяем термин “социовозрастная группа”, мы имеем в виду, помимо нормативных критериев возраста, оценку стабильности возрастных стереотипов – черт и свойств, приписываемых традиционной культурой лицам данного возраста и выступающих в качестве подразумеваемой нормы (*Кон* 1981а: 98–99; *Мухина* 2014: 111).

Легко подтверждаем тот факт, что в традиционном русском обществе маркерами возраста и статуса были внешний вид (состояние кожи и волос) и, в особенности – одежда. По данным информаторов Этнографического бюро кн. В. Тенишева в Санкт-Петербурге, в одежде старых людей всех регионов страны прослеживалась тенденция к упрощению и унификации: темные тона – от темно-синего до черного – для верхнего платья, чистый белый цвет – для нательного белья. Вместо сарафанов с сорочками старухи носили глухую одежду (которую не меняли даже в праздники) “типа сарафана без лямок или передники с рукавами” (*Бернштам* 1988: 69). Для кроя костюма женщин старшего возраста характерна мягкость линий, отсутствие акцента на талии и перепоясывания, в обуви главным качеством становилось удобство. Их верхняя одежда, как и одежда маленьких детей, постепенно утрачивала признаки мужской или женской (*Прокопьева* 2005: 635–636). Жизненный цикл в крестьянской традиции виделся кругом, так что старость казалась зеркальным отражением детства (*Кабакова* 2012: 159).

Понятно, что сказанное выше об одежде – то общее, что характерно костюму всех регионов, но в конкретной местности фасон мог меняться в зависимости от условий жизни (*МКУК СОКМ*. 7742; *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 1: 377, Т. 7. Ч. 2: 311, Т. 7. Ч. 3: 303, 473; *АИЭА*. Оп. 1. Д. 45: 11, Д. 112: 57об, Д. 120: 21; *Валенцова, Узенева* 2009; *Бернштам* 1988: 69; *Гринкова* 1936: 49). Немалое влияние на внешний вид старой женщины могли оказывать и этноконфессиональные особенности. В России, несмотря на то что страна была православной, в ряде регионов бытовало поверье о еретицах – пожилых женщинах, продавших душу черту, скитающихся по земле и совращающих людей с пути истинного. Опрятность в одежде была общим маркером благочестивой старости, поскольку еретицы представлялись в виде безобразных и неопрятных старух, даже случайная встреча с которыми могла угрожать жизни. Существовало поверье, что от одной из таких еретиц мог родиться Антихрист (*Звонков* 1889а: 78).

Чистота и опрятность внешнего вида пожилой крестьянки во многом зависела от экономического положения семьи в целом. Пока женщины были здоровы, полны сил, их роль и статус определял именно этот фактор: их ценили, поскольку они могли взять на себя часть физических нагрузок. Гордость старшей женщины в семье и желание похвалиться здоровьем и полнотой сил сквозит в бытовавших в то время присловьях: “Эх, баба-бабушка, золота сударушка! Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережешь, добро стережешь”. Проблема с постаревшими женщинами возникала по мере утраты ими жизненных сил и физической мощи: нужно было определяться, какую пользу они могут принести семье. Самым распространенным решением было возложение на старух обязанности “караулить” дом во время страды. Детей также оставляли на них: “...сколько при этом выгорало деревень! Было удивительно, как при таком уходе было не столь много калек среди этих детей” (*И-ва* 1884: 75; *Жбанков* 1891: 68). Нередко, оправдывая затраты на свое пропитание, пожилые женщины оставляли в страдную пору родные семьи (*Кудрявцев* 1877: 93) и шли, пока были силы, в сторожихи и няньки к соседям (“Старуху на страду б купил, а на зиму б убил”). Отходники, жившие в городах вместе с женами и выросшими детьми, пытались “сплавить мелочь” (ребятню) деревенским бабушкам до ее подрастания (*М. и О.* 1902: 74, 78). Старухи неизменно пополняли группу тех, кто следил за

детьми в созданных на коллективных началах яслях, получивших распространение в ряде губерний. Ясли в сельской местности были сезонными, служили подспорьем крестьянской семье в страдное время. Опытные воспитательницы, сами нередко бабушки, были довольно заботливыми няньками (Мур, Эткинд 2004) и, как полагали современники, способствовали как просвещению населения в борьбе с детской смертностью и заразными болезнями, так и популяризации сложившихся за сотни лет навыков и практик ухода за детьми (НГВ 1901; Ганзен 1900: 111; Шингарев 2010: 138; Колганова 2012: 60–61). Конечно, вмешательство товарно-денежных отношений в привычный жизненный уклад внесло печальные коррективы. Современники сообщали, что детей из приюта легко отдавали на воспитание старухам-вдовам, те о них не слишком заботились и после смерти одного ребенка брали другого, за ним третьего, “убытков они не терпели” (Волоколамский у. Московской губ.) (Семенов 1902: 37).

В нестрадное время пожилые женщины подрабатывали прядением и вязанием; кто-то вынужденно занимался сбором подаяния, живя из милости в семье одного из детей или в чужой крестьянской семье (Кудрявцев 1877: 93; Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 2. Ч. 2: 102). Нередко и 70-летние женщины выходили в страдную пору в поле жать, отказываясь лишь от еще более трудоемких работ во время сенокоса (И-ва 1884: 58). Любопытно, что крестьянская этика осуждала безделье пожилых: “Стыдно будет без работы. Сидишь дома, ничего не делаешь, кажут большаки. Детей нянчить у нас в доме нет” (Потанин 1899: 180, 182). Распространенной формой женского участия в домашней экономике был и уход за больными: во время эпидемий, когда “хворь заставляла лежать в лежку” большую часть семьи, при больных оставляли именно пожилых женщин (Попов 1903: 181).

Вследствие развития отхожих промыслов зарождались новые явления в жизни социовозрастной группы женщин-старух. Отходники на рубеже XIX–XX вв., утверждая современники, уезжая на приработки, стали иногда брать с собой бабушек, чтобы возложить на них функции ухода и заботы за детьми (М. и О. 1902: 74, 78). Однако переезд означал ломку сложившегося уклада. В городском доме матери отходников откровенно скучали, тяготились простотой жизни (когда им надо было лишь стирать да готовить), “не могли найти подходящего занятия, заболели от скуки и надоедали всем, чтобы отправили их назад в деревню”. Нередко переехать в город от привычных деревенских дел пожилые родственницы соглашались, лишь когда становились совсем беспомощными (теряли зрение, еле ходили) (Жбанков 1891: 62).

Главным оправданием своего существования в неразделенной семье пожилые женщины считали вносимый ими вклад в воспитание внуков: “Где, бабка, ни бери, а внука корми” (Иллюстров 1904: 191). Информаторы из разных российских губерний сходятся на том, что наряду с матерью в русской семье именно бабушке (а не отцу) отводились функции социализации и воспитательные функции (“Бабушке — один только дедушка не внук”). Бабушки помогали подготовить ребенка любого пола к усвоению традиционной жизненной стратегии и принятию сложившейся поведенческой модели. Мать и бабушка, чуть реже дедушка, и лишь затем отец и иные члены семьи были ежедневными наставниками в осваивании детьми трудовых навыков; в основном воспитывали на собственном примере. В области развития душевных и духовных качеств в семьях безусловно первенствовали бабушки, имевшие в этом отношении высокий авторитет, они же были хранительницами богатой устной традиции: рассказывали длинными зимними вечерами сказки и поверья (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 468, Т. 3: 319, Т. 6: 46; Кон 1981б: 8; Кабакова 1994; Покровский 1997: 83; Бернштам 2000: 31).

К числу важнейших культурных стереотипов можно отнести понимание места и значения женщины-матери в семье. Ей отводилась весьма значительная (не только хозяйственная) роль, она отвечала за создание и поддержание эмоциональной укрепляющей и цементирующей атмосферы, без которой семья не могла бы существовать: стремилась бы к распаду под влиянием постоянно присутствующих неблагоприятных внешних обстоятельств и неизбежных центробежных тенденций. Авторы конца XIX в. особо подчеркивали то, что за матерью повсеместно признавалась большая, чем за отцом, власть над детьми (*Весин* 1891: 52).

Отношение к пожилым женщинам в семье зависело от ее традиций, от эмоциональной близости (или отсутствия таковой) между ее членами. Амбивалентность выражалась в том, что в одних семьях к бабушкам проявляли уважение, в других — смотрели как на обузу, “лишний рот”, особенно в пореформенный период в условиях малоземелья, голода и распада большой патриархальной семьи. Информаторы Этнографического бюро сообщают, что коли “старик-большак крепко держал семью, тогда и старуха была в почете; забит старик — горе старухе”. В бедных семьях чаще, чем в зажиточных, встречалось жестокое отношение к женщинам (*Всеволожская* 1895: 4; *Новиков* 1899: 19–20; *Трошина* 2009: 98). Чем выше был статус женщин, пока они были в силе и молоды, тем дольше сохранялся страх перед ними, когда они старели, особенно если их отличала твердость характера и житейская мудрость; старухи часто были советчицами в важных семейных делах (Калужский у., Калужская губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 3: 289). Именно пожилые женщины с их семейно-хозяйственным опытом могли быть негласно признаны главными авторитетами в распоряжении семейным бюджетом. Кому-то не нравилась их бережливость, переходившая в скарденность. Редкую девушку или молодуху можно было упрекнуть в жадности, а пожилых женщин, переживших многое на своем веку и старавшихся сохранить лишнюю семейную копейку, упрекали в этом очень даже часто. На Вологодчине шутили, что Петров пост выдумали «попы вместе с деревенскими старухами, первые — для сбора “петровщины” (поборы натурой во время поста. — *З.М., Н.П.*), а старухи — с целью накопить масла» (*Иваницкий* 1890: 8). Жадность и скарденность старух встречала осуждение, а неумение распорядиться состоянием, оставленным умершим мужем, — насмешку. В Костромской губ. информатору Этнографического бюро рассказали длинную историю о старухе-вдове, пропившей немалое богатство (*Жбанков* 1891: 66). Типичность пьянства от безделья для богатой старухи отразил и фольклор (“В лесу птицы, в тереме девицы, а у бражки старые бабы”).

Женщина робкая и слабохарактерная, не пользовавшаяся авторитетом в доме и при жизни мужа, став вдовой при взрослых детях, как правило, от управления домом отстранялась (Ярославская губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 2: 100). Положение старух в доме окружающие считали привилегированным. На вопрос гостя: “Что ваши старики?” — отвечали с усмешкой: “Что им! Только и гуляти — с печи да на палати”. Про бабуку и вовсе могли добавить: “Ее уже давно на том свете с фонарями ищут” (*Иваницкий* 1890: 55). Не умевших постоять за себя пожилых женщин безжалостно выставляли за дверь и заставляли нищенствовать (Калужская, Вологодская, Санкт-Петербургская губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 3: 561–562, Т. 5. Ч. 1: 269–270, Т. 5. Ч. 3: 420, 636, Т. 6: 378). Особенно ухудшалось их положение в ситуациях семейных разделов, когда один сын брал к себе жить отца, а другой — мать. В некоторых домах за обедом старухи садились отдельно от остальных и ели тот кусок хлеба, который им подали из милости (*Кудрявцев* 1877: 93). Корреспондент из Владимирской губ. приводит рассказ о состарившейся матери, которой при живых сыновьях пришлось жить подаянием, потому что дети “не захотели её брать” (*Фирсов, Киселева* 1993: 187).

О не умеющих постоять в таких случаях за себя и заставить себя уважать пожилых женщинах говорили как о “выживших из ума” (хотя в действительности это было не так), приравнивали к детям (“что старая, что малая”); отказывая в социально-бытовой компетентности, приписывали им особое знание в сфере религии и магии, опыт взаимодействия с сакральным и потусторонним (Панченко 2005: 265–273).

Без всяких сантиментов относились к больным старым женщинам. Не случайно старухи часто боялись не столько смерти, сколько длительной болезни (Попов 1903: 181–183, 185): подчас их ничем не лечили, не помогали с соблюдением личной гигиены, оставляли без ухода (Нижегородская губ.) (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 4: 183), лишь недружелюбно замечая: “Живет! Что ей сделается? Старая карга три века живет!” (Любимский у. Ярославской губ.) (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 2. Ч. 2: 101–102). Чаще всего такое отношение не имело гендерной окраски; среди крестьян было распространено убеждение, что быть одновременно старым и здоровым невозможно, поэтому все старики – больные, так что лечить их не имеет смысла (Попов 1903: 34). Это представление вполне вписывалось в простоту и жестокость традиционной русской этики, которая была теснейшим образом связана с понятием земной судьбы или доли. Понятие доли – отпущенный объем жизненной силы, счастья, покоя, благополучия – предполагало, что это часть чего-то целого, некая мера срока жизни, определенная Богом. Так что “зажившиеся” старухи воспринимались экспроприирующими чужую долю, “заедающими чужой век” – отнимающими часть жизненных радостей у молодых (Байбурин 1993: 121; Журавлев 1999; Гура 2012: 595).

С некоторой долей условности можно утверждать, что в крестьянской традиции старость воспринималась как период ожидания смерти и подготовки к ней (Панченко 2005: 267; Безгин 2017: 30). Смерть неизбежна, поэтому женщины повсеместно заранее готовили одежду для похорон (Маслова 1984: 85; Кремлева 2005: 520–521). Представительницы зажиточных крестьянских семей могли, готовясь к смертному часу, откладывать деньги, чтобы можно было организовать богатые похороны, заказать сорокоуст, а остатки послать в монастырь “на Афон” (Йокояма 2014. Т. 2: 404). Интересно, что ритуал такой подготовки к смерти, по большей части среди пожилых женщин, сохраняется в России и в XXI в. (Лаврентьева 2008). Облегчение по поводу ухода из жизни старых родственниц не принято было открыто демонстрировать (особенно кровным родственникам – детям, внукам), но свойственники, обычно невестки, часто не стеснялись в выражениях. Подобное жестокосердие коренилось в сложных отношениях властной “большухи” (жены главы семьи) со снохами, в однозначном и эгалитарном понимании жизненной доли, а подчас просто в бедственном положении семьи. Жесткость и жестокость по отношению к старикам и старухам в глазах окружающих не казались недозволенными, напротив, они соответствовали крестьянскому пониманию справедливости (Щербина 1880: 15). Есть упоминания информаторов даже о том, что в давние времена старых людей, неспособных к работе, убивали (Купянский у. Харьковской губ.) (П.И. 1901: 145–146); в одной деревне под Санкт-Петербургом больную старушку сожгли (Уманский 1902: 117–118), в другой (правда, во время холеры) – заживо зарыли с петухом и черной кошкой (Якушкин 1875: XXXV). Обузой старая женщина могла стать и в тех семьях, где свекор начинал жить с молодой снохой. Снохачество было явлением распространенным, избавление от соглядатайства через физическое устранение законной постаревшей жены – событием более редким, но упомянутым информаторами в трех губерниях (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 464; Кузнецов 1871: 14; Добрынкина 1875: 128).

Однако, несмотря на проявления жестокости в отношении состарившихся женщин, крестьянское общество имело механизмы обеспечения им некоторых “социальных гарантий”. Нормы обычного права зиждились на принципах справедливости

в крестьянском понимании. В дореформенный период забота о призрении старых и увечных, строительство богаделен были уделом помещиков (*Семевский* 1903: 272–273). И обычное право, и Свод законов (Свод законов 1857. Ст. 194) предписывали, что забота о престарелых родителях — обязанность детей (см. также: *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 342; *Пушкарева* 2005: 460). Благодарность воспитавшей матери и бабушке была глубоко укоренена в сознании, так что при всей грубости нравов крестьянства к ним в старости часто относились лучше, чем к родному отцу (*Новиков* 1899: 19). Строительство для матери-вдовы, если она хотела жить отдельно, кельи в монастыре, обеспечение там ей пропитания было весьма распространенной практикой (Тверская, Ярославская, Вологодская, Тамбовская, Костромская, Владимирская, Московская, Саратовская, Самарская, Новгородская, Рязанская губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 1: 448, Т. 2. Ч. 1: 342, Т. 5. Ч. 2: 272; Труды. Т. 1: 541, 613, 665, 727, 751, Т. 2: 382, 488, Т. 6: 55, 123, 402, 457). При церквях и волостных правлениях для пожилых людей нередко открывали богадельни, но они часто пустовали. Многие предпочитали попрошайничать, лишь бы не скучать в богадельне. Для них худой мир с родными всегда был предпочтительней доброй ссоры: “Старухи в это время (масленичных гуляний. — *З.М., Н.П.*) ездят к близким и родным вместе попить бражки” (АИЭА. Оп. 1. Д. 45. Л. 9).

Сохранилось немало свидетельств XIX — начала XX в. о наказаниях сыновьям за непочтение к состарившимся матерям, что, с одной стороны, указывает на распространенность подобного отношения, а с другой — на то, что сами пожилые женщины не мирились с этим и пытались защитить себя. Они обращались в волостные суды, которые, руководствуясь нормами обычного права, обязывали детей содержать старых матерей дома, запрещать им нищенствовать (Владимирская, Нижегородская, Тамбовская, Ярославская губ.) (Труды. Т. 1: 172, Т. 2: 290, Т. 3: 23, 331, 345; *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 4: 116, 131, 138; *Звонков* 1889б: 25). Поиски в этом направлении привели к обнаружению ряда судебных решений: в одном случае за оскорбление матери сын был приговорен к 20 ударам розгами, в другом — к наказанию розгами по ее усмотрению (Моршанский, Козловский, Борисоглебский, Спасский у. Тамбовской губ., Буйский у. Костромской губ.) (Труды. Т. 1: 104, 257, 342, 419–420; Т. 3: 331, 345, 407), за оскорбление и побои матери давали и 50 ударов розгами; встречались случаи, когда суд наказывал детей, даже если сама женщина уже простила их (*Пахман* 1879: 148–149); были прецеденты, когда мать при переходе на житье к младшему сыну взыскала по суду со старшего деньги за имущество (Моршанский, Борисоглебский у. Тамбовской губ.) (Труды. Т. 1: 52, 410) или добилась постройки дома (Юрьевский у. Костромской губ.) (Труды. Т. 3: 331). Известны случаи обращения большух и вдов с жалобами на притеснения со стороны снохи (Буйский, Юрьевский у. Костромской губ., Нижеслободская вол. Олонекской губ.) (*Покровский* 1896: 468; *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 6: 103; Труды. Т. 3: 311).

Очевидно, что неприязнь между невесткой (снохой) и большухой коренилась в каких-то конфликтах в прошлом, что отражено в присловьях: “Свекровь на печи, что собака на цепи”, “От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься”. Жена большака всегда обладала огромной властью в доме (*Балов* 1899: 217). Она была воплощением функционально-организующего начала семьи, на ней держалась вся “домашность”, да и все хозяйство в целом. От большухи ждали справедливого отношения ко всем членам семьи, учета мнения каждого, но реальность часто расходилась с ожиданиями (*Ефименко* 1873: 202; *Толстов и др.* 1968: 124; *Громько* 1991: 172; *Громько, Буанов* 2007: 332; *Адоньева* 2009: 78–79; *Миненко* 1978: 76–77). Понятно, что если к старости женщина оставалась вдовой, была при этом достаточно энергична, обладала твердым характером, то она становилась хозяйкой в доме, сосредоточив-

шей в своих руках власть, ранее принадлежавшую мужу. Большухи имели право принимать участие в крестьянских сходах, представляя на них свою семью. Страх перед старой властной женщиной отражен в русском фольклоре (*Парпулова-Грибл* 1995: 265–274). Возможно, он был связан и с тем, что такие старухи нередко совершали преступления, в т.ч. и детоубийства. Известны случаи, когда они убивали за деньги (*Тарновская* 1902: 139–140, 182–183; *Кадикина* 2003).

Именно в России женщина, даже выйдя из фертильного возраста (по сути уже старуха), могла сохранять высокий авторитет в семье, а ее мнение было приоритетным, с ним вынуждены были соглашаться даже взрослые женатые сыновья (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 1: 446, Т. 2. Ч. 1: 25, 342, Т. 2. Ч. 2: 323, 337, Т. 3: 286, 295, Т. 4: 114; *Селиванов* 2011: 110). Такая практика, сложившаяся задолго до XIX столетия, необычайно прочно укоренилась в крестьянской среде. Из Даниловского уезда Ярославской губ. информатор Этнографического бюро прислал рассказ об одной крестьянской семье с большухой Анной Тимофеевной во главе. Она и при жизни мужа, который часто уходил в запой, крепко держала все в своих руках. Оставшись вдовой с тремя детьми от 5 до 12 лет, замуж больше не выходила, выпестовала детей и воспитала в них такое безусловное уважение к себе, что они, уже женившись, спрашивали разрешения съездить зимой на базар. Все расходы и покупки, распределение работ в неразделенной семье (женатые сыновья жили вместе с ней) были заботой большухи, и, лишь “занемогнув” в старости, она сама уступила “большину” старшему женатому сыну (Даниловский у. Ярославской губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 2: 100).

Отношения невестки (снохи) со стариками по линии мужа чаще всего складывались небезконфликтно (“Свекор – гроза, а свекровь выест глаза”), неудивительно, что постаревшую свекровь невестка часто обижала и подчас лишала достойного куска хлеба; приходилось приспосабливаться (“Сноха во двор, свекровь за стол”). Сердитая, неумолимая в своем деспотизме свекровь – привычный образ русского народного устнопоэтического творчества (*Агренева [Славянск]ая* 1881: 136; *Новиков* 1899: 17; *К.* 1907). Особенно сложными отношения снох и свекровей становились в осенне-зимнюю пору, когда немалое число мужчин уходило в отходники и надолго оставляло дом. “Полелеяв и попоив свою невестку первый годочек, на второй год старуха взваливает на нее большую часть трудов и забот домашнего хозяйства; свекровь радуется <...> что Господь ей помог сынка женить, и что она имеет возможность ничего не делать и сколько душе угодно лежать на горячей печи” (*Селиванов* 2011: 110). Дабы добиться невесткиного послушания, постаревшая и утрачивающая рычаги давления на молодуху свекровь могла иной раз обратиться за помощью в волостной суд (Тамбовская губ.) (Труды. Т. 1: 168, 172) и/или к чародейкам. Последние помогали за плату нужными сборами трав для опаивания и подавления воли и своенравия (*Сахаров* 1885: 121).

Русский публицист-народник, агрохимик А.Н. Энгельгардт оставил выразительное описание жизни одной семьи, возглавляемой живой и деятельной старухой. Семидесятилетняя, она сохраняла здоровье и бодрость, пекла хлебы, готовила пищу, смотрела за свиньями, утками и курами, ухаживала за больным скотом “и казалось, что даже ночью не спала”. Никто не снимал с нее и привычной для бабушки семейной обязанности заниматься с маленькими детьми, но – отмечает А.Н. Энгельгардт, – находя время и “с ребенком возиться, <...> старуха больше муштрует мать, чтобы опрятно держала соску, почаще мыла ребенка, не слишком закачивала...”. Знала она, восхищенно пишет публицист, “что нужно каждой птице, каждой скотине до тонкости, и лечит она превосходно <...>. Заболеет скотина – сейчас же ее к ней, смотришь – через неделю, две поправилась” (*Энгельгардт* 2010: 19–25).

В отдаленных селах, где жизнь женщин была буквально зациклена на внутрисемейных горестях и радостях, огромное значение приобретали различные формы их взаимоподдержки, особая, довольно замкнутая, имевшая свои особенности воспроизводства женская субкультура. Эта субкультура играла важную социализирующую роль в жизни подраставших девочек и была полем для самовыражения женщин всех возрастов. Чем старше становилась женщина, тем важнее становился ее индивидуальный жизненный опыт для других женщин в неразделенной крестьянской семье и общине в целом, тогда как семейные обязанности постепенно переходили в руки “молодух”. Сообщество вышедших из детородного возраста крестьянок в каждой деревне (групповое “мы”) обладало неким особым набором ценностей и признаков, отличавших его от остальных социовозрастных общностей.

Лежащие в основе крестьянской жизни строгая регламентация допустимых вольностей, жесткая иерархичность отношений и неукоснительное соблюдение всех установленных обычаям предписаний во многом поддерживались не носителями власти (мужчинами), а жертвами этой стратифицированности – женщинами, причем старшего и пожилого возраста. Главными действующими лицами сохранения прежних обычаев, обрядов, ритуальных практик были именно они (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 334; *Тулъцева* 1989: 56–61). В основе крестьянского миропонимания лежали миф и ритуал; последний обеспечивал общение и взаимодействие полов и возрастов. Ритуальная деятельность являла собой самостоятельный социальный институт с весьма высоким статусом (*Бернштам* 1982: 44), вовлечение в нее женщин было одним из видов символизации социовозрастных процессов, их отражением и легитимацией (*Кон* 1981а: 100). Ритуальная деятельность старух, относясь к числу наиболее консервативных элементов крестьянской повседневности, была оправданием их нужности и подтверждала их высокий культурный статус. Пожилые женщины выступали основными ретрансляторами семейной культуры (*Семенова* 1996: 326–354): чем старше они становились, тем больше мелочей в обрядах и ритуалах они помнили и тем выше была их ценность как носительниц особого знания (*Адоньева* 1998: 26–27).

Ритуально-обрядовая деятельность полтора века назад пронизывала буквально всю жизнь крестьян, оказывая на них серьезное социально-психологическое воздействие. Предохранительные меры от неурожая, засухи, пожара, эпидемий и других катаклизмов, исцеление больных, изгнание нечистой силы, поиск украденного – все это входило в повседневную рутинную магическую практику. Женские крестьянские суеверия современному человеку могут показаться абсурдными и дикими, но без них трудно представить жизнь деревни того времени. Фантастические образы составляли подчас большую часть крестьянских представлений о мироустройстве. Вера в силу магии сопровождала всю жизнь крестьянки, о чем свидетельствует обширная литература¹. Старухи и вдовы играли ведущую роль во множестве ритуальных действий, связанных как с православной традицией, так и с бытовыми суевериями. Весьма показателен в этом смысле часто описываемый обряд опаживания деревни (прокладки борозды вокруг деревни во избежание заразных болезней людей и скота) (*АРГО. Оп. 1. Д. 63. Л. 19, Д. 8. Л. 3; Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 1: 232, Т. 2. Ч. 1: 320–321; *Фирсов, Киселева* 1993: 269; *Мальхин* 1853: 217–218; *Максимов* 1903: 260; *Броневский* 1897: 187–188; *Городцов* 1897), который всегда осуществлялся под приглядом старух (вспашкой занимались молодки). Пограничное состояние (близость к смерти) пожилых крестьянок придавало любым их действиям сакральный смысл (*Безгин* 2017: 30), а ритуальная деятельность во многом определяла содержание их жизни.

Особенно велико и заметно было участие пожилых женщин в сельских праздниках, которые, противопоставленные обыденности и повседневности, имели особое

обрядовое наполнение. Ритуальная сторона праздников включала посещение церковной службы, кладбища, походы к святым местам, источникам, особую трапезу, трактовавшуюся как жертвоприношение и причащение; все это сопровождалось обрядами продуцирующего или защитного характера (*Толстая* 2009: 237–238). Старым женщинам отводилась одна из центральных ролей в подобных действиях, особенно это касалось свадеб (*Звонков* 1889б: 36) и похорон (Костромская, Ярославская, Калужская, Нижегородская, Вологодская, Московская губ.) (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 1: 102, Т. 2. Ч. 2: 214, 390, Т. 3: 312–313, Т. 4: 255–259, Т. 5. Ч. 4: 206–208, Т. 6: 76).

Передача знаний о правилах исполнения тех или иных праздничных ритуалов осуществлялась в ходе их проведения через практическое участие, но — “и на старуху бывает проруха” — не все применяемое можно было подчас удержать в памяти. Постоянным пространством общения старых женщин были посиделки в избе или на завалинке, сохранившиеся как практика даже после всех революций (*Краснова* 2000). Понятно, что в таких разговорах значительное место занимали просто всякие сплетни и пересуды (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 156, Т. 3: 106, 81, 230, 382, Т. 5. Ч. 1: 299, Т. 6: 428; *Успенский* 1885: 211–212), но через общение могли передаваться и обыденная житейская мудрость, и практические навыки. Сплетни помогали поддерживать знания о родственных отношениях и выполняли важную социализирующую функцию: формировали дополнительные связи с женским сообществом. Для многих подобные разговоры были помощью в психологической адаптации к новому жизненному статусу, давали возможность выговориться, пожаловаться на беды и невзгоды. Когда группы сплетничающих, сегрегированные по возрасту, объединяли много повидавших и долго проживших женщин, разговоры на завалинке помогали им утвердить себя надзирающими и контролирующими акторами крестьянского социума. Старухи принимали самое деятельное участие в формировании деревенского общественного мнения и передаче новостей. Само изложение и распространение сплетен и слухов было значимо для самоутверждения этих женщин, являясь по сути формой их самовыражения.

Отсутствие социальных гарантий в старости, в случае болезни и увечий, нищеты и бедности русский крестьянский социум старался компенсировать коллегиальной помощью особо нуждающимся. В известном, отлично описанном в этнографической литературе обряде помочей знания и действия пожилых женщин оказывались особо востребованными, поскольку их память хранила модели (со)участия, преодоления трудностей (*Семевский* 1882: 87). Когда, напротив, именно старухи нуждались в поддержке, то крестьянский мир назначал помощь “по наряду”: от соседа к соседу устанавливалась очередность, и каждый двор кормил их в течение суток. Иногда, по возможности, нуждающимся отводилось и жилье (*Златовратский* 1987: 344–345). К сожалению, традиция такого коллективного соучастия постепенно уступала место оказанию помощи лишь за плату, и помочи деревенским старушкам уже в начале XX в. стали сравнительно редким явлением (*Щербина* 1880: 20–22; *Титов* 1888: 93).

Своеобразную социальную группу в среде пожилых женщин, живших в сельской местности, составляли знахарки и ведуньи. Различия между ними были не всегда очевидны, поскольку и те, и другие — как считалось — умели ворожить, гадать, врачевать, “править” и “портить” людей (*Даль* 1978–1980. Т. 1: 689, Т. 2: 135). Знахарки и ведуньи не всегда были пожилыми женщинами, но именно старым и опытным доверяли больше, к ним чаще обращались в сложных житейских ситуациях (*Столяров* 1989: 338). Старухи, по возрасту близкие иному горнему миру, считались “наделенными невидимой силой” (*Можаровский* 1877: 114–115), отчего и бытовала поговорка: “Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит”. Именно в этой особенности статуса женщин “третьего возраста” кроется, вероятно, основная характеристика их гендер-

ной роли. Старухам, в отличие от стариков, по сути отказывали в интеллектуальной компетентности в социальных отношениях (пожилые женщины редко или вообще никогда не принимали участия в сельских сходах; в этом прослеживается типичная для патриархального гендерного “контракта” дискриминация), зато именно они имели высокую “квалификацию” в сфере религии и магии, их опыт взаимодействия с сакральным и потусторонним миром был всеми признан.

Кроме того, ни одни деревенские роды не обходились без старух-повитух, деревенских акушерок. Они были главными распорядительницами процесса, т.к. обладали практическими навыками и обусловленными большим житейским опытом знаниями в области народной медицины; именно на повитух рассчитывали роженицы, прося об облегчении страданий. Система лечебно-профилактических приемов народной медицины в соединении с магической практикой изгнания “духа недуга”, психологически разгружая роженицу, обеспечивала успешное врачевание; попутно происходила передача элементов рациональных знаний и опыта (Усачева 2004: 215). Во многих регионах России считалось, что между повитухой и принятыми ею детьми возникают незримые узы, которые локализованы не только в земном пространстве и времени, но тянутся даже за пределы жизни, поскольку и на “том свете” связи между ними не разрываются (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 5. Ч. 3: 36; Степанов 1906: 225–227; Лебедева 1934: 99–102; Кабакова 2001).

* * *

Подводя итоги и отвечая на поставленные исследовательские вопросы, стоит еще раз подчеркнуть важность места, которое занимала пожилая женщина в крестьянском социуме. Действительно, в русской пореформенной деревне происходили серьезные изменения в семейных отношениях, и женщины в структуре этих перемен не всегда оказывались получающими профит. Нравственная эрозия патриархального уклада деревни на рубеже веков вела к огрублению нравов, меньшей щепетильности и уважительности в отношении пожилых. Стремясь сохранить хозяйственную устойчивость, особенно в голодные и кризисные, в т.ч. военные, годы, крестьяне вынужденно смотрели на старух (как, впрочем, и на стариков) как на лишние рты: с точки зрения выживания семьи их немощ могла стать балластом (Кобзарева 2014: 20). Но не стоит забывать, что статус старухи определялся не только ее хозяйственными и семейно-бытовыми ролями (соорганизатора семейного уклада, уюта, досуга, воспитательницы детей, хранительницы традиций и преданий). Социовозрастная группа пожилых женщин в русской культуре являет собой особый социальный мир, особую амбивалентную систему отношений, позволяющую сохранять значимость в крестьянском сообществе. Для этой группы характерны и ритуальная деятельность, и формирование общественного мнения о соблюдении норм морали и должностований отдельными членами семьи, и принятие родов, и участие в организации общественно значимых мероприятий, праздников, и др. В пореформенный период, в эпоху коренных перемен, подспудно зревшие в крестьянском обществе процессы вышли на поверхность, многократно усилились, в результате чего наметилась тенденция к изменению всего крестьянского миропорядка.

Если принимать во внимание обычное право, в особенности семейное, в котором статус женщин и гендерные роли были “прописаны”, казалось бы, навсегда, то трудно не признать, что в силу своего общественного и семейного положения пожилые женщины в крестьянском социуме оставались носительницами традиций сельской повседневности. Их семейная обыденность была следованием чередой привычных жизненных ролей (жены, матери, хозяйки), а всякое отклонение от по-

веденческих стереотипов было практически невозможно из-за жесткого контроля общества. Писаное право могло быть подчас не известно в деревне, жившей скорее по понятиям, нежели следовавшей букве закона, а обычное право (понятия) оставалось и в начале XX в. мощнейшим орудием давления на поведение и внутренний мир старух (Адоньева 1998).

Пожилые женщины в русской традиционной культуре подобны куклам-матрешкам: жизненный опыт каждой вкладывается в следующее поколение. Внучка сегодня — это бабушка послезавтра. ...Как не вспомнить в этом контексте слова современного писателя, чье произведение “О пользе бабушек” опубликовал один из толстых литературных журналов начала XXI в: “А черт его знает, может, и впрямь на бабушках держится русская культура (да, собственно, — жизнь, которая время от времени выдавливает из себя скупую слезу культуры)...” (Агеев 2006).

Примечание

¹ См., напр.: Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 1: 89, 230, 281, 439, 515, Т. 2. Ч. 1: 197, 201, 226, Т. 2. Ч. 2: 65, 303, 417, Т. 3: 31, 197, 503, Т. 4: 319, 321, Т. 5. Ч. 1: 215, 595, Т. 5. Ч. 2: 31, 230, Т. 5. Ч. 3: 21, 152, Т. 5. Ч. 4: 40, 97, Т. 6: 25, 65, 182, 284, Т. 7. Ч. 1: 163, 240, Т. 7. Ч. 2: 188, 496, Т. 7. Ч. 3: 167, 451, Т. 7. Ч. 4: 87, 222; Быт 1993: 129–147; Максимов 1903; Власова 1998; Александров и др. 2005: 647–759 и др.

Источники и материалы

- Агеев 2006 — Агеев А. О пользе бабушек // Журнальный зал (Знамя. 2007. № 5). <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/aa25.html>
- АИЭА — Архив Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). Фонд Этнографического отдела ОЛЕАЭ. Ф. 22.
- АРГО — Архив Русского географического общества. Разряд 9. Воронежская губ.
- Даль 1978–1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980.
- Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1904.
- Лебедева 1934 — Лебедева В. Родовспоможение // Большая медицинская энциклопедия / Гл. ред. Н. А. Семашко. Т. 29. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. С. 99–109.
- МКУК СОКМ — Архив Муниципального учреждения культуры “Старооскольский краеведческий музей” (г. Старый Оскол). Основной фонд.
- НГВ 1901 — Нижегородские губернские ведомости. 1901. № 25. С. 6.
- ПВПНРИ — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. VI: Владимирская губерния. Тетрадь II. СПб., 1904; Т. X: Воронежская губерния. СПб., 1904; Т. XXIV: Московская губерния. СПб., 1905; Т. XXIX: Орловская губерния. СПб., 1904.
- Свод законов 1832 — Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный [в 15 т.]. Т. X. Ч. I: Законы гражданские. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1832.
- Труды — Труды комиссии по преобразованию волостных судов [в 7 т.]. Т. 1: Тамбовская губ., Т. 2: Владимирская и Московская губ., Т. 3: Ярославская, Костромская губ. и Семеновский уезд Нижегородской губ. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1873; Т. 6: Самарская, Саратовская, Вологодская и Новгородская губ. СПб., 1874.

Научная литература

- Агренева С[лавянск]ая О. О народной поэзии и песне // Русская мысль. 1881. № 11. С. 114–145.
- Адоньева С. Б. О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.
- Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009.

- Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С.* (ред.) Русские. М.: Наука, 2005.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Балов А.* Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1899. № 1–2. С. 193–224.
- Баранов Д.А., Коновалов А.В.* (ред.) Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 1–7. СПб.: ООО “Деловая полиграфия”, 2004–2011.
- Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ, 2017.
- Бернштам Т.А.* Обряд “расставания с красотой” (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Сборник МАЭ. Т. 38 / Ред. Т.В. Станюкович. Л.: Наука, 1982. С. 43–66.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.
- Бернштам Т.А.* Сказка в быту и культуре русского крестьянства (с украинско-белорусскими параллелями) // Традиционная культура. 2000. № 1. С. 26–33.
- Броневский Г.П.* Этнографические заметки // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 187–188.
- Валенцова М.М., Узенева Е.С.* Платок // Славянские древности. Т. 3 / Общ. ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. С. 65–69.
- Весин Л.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. № 10. С. 37–65.
- Власова М.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.
- Всеволожская Е.* Очерки крестьянского быта // Этнографическое обозрение. 1895. № 1 (Кн. 24). С. 1–34.
- Ганзен П.* Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 3. С. 111–153.
- Городицов В.А.* Опахивание деревни во время эпидемий // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 186–187.
- Гринкова Н.П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21–54.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
- Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
- Добрынкина Е.* Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1876. Т. I. Вып. I. С. 119–131.
- Ефименко А.Я.* Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2. С. 173–206.
- Жбанков Д.Н.* Бабыя сторона. Статистическо-этнографический очерк // Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. VIII. Кострома, 1891. С. 1–136.
- Журавлев А.Ф.* Доля // Славянские древности. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 113–114.
- Звонков А.* Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1889а. № 2. С. 63–79.
- Звонков А.П.* Современные браки и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. I. М., 1889б. С. 24–49.
- Златовратский Н.Н.* Деревенские будни (очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века / Сост. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. С. 236–380.
- И-ва Д.* Из записок земского врача // Русская мысль. 1884. № 12. С. 48–82.
- Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 2 / Ред. Н. Харузин. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1890. С. 1–234.
- Йокояма О.* Письма русских крестьян: тексты и контексты. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- К.* О снохе и свекрови (Смесь) // Живая старина. 1907. Вып. 2. С. 15.

- Кабакова Г.И.* О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // Живая старина. 1994. № 4. С. 34–36.
- Кабакова Г.И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 107–129.
- Кабакова Г.И.* Старик, старуха // Славянские древности. Т. 5 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Междунароные. отношения, 2012. С. 157–161.
- Кадикина О.А.* Старуха: сказочный персонаж и социальный статус. Автореф. ... дис. канд. фил. наук. Санкт-Петербургский гос. ун-т, СПб., 2003.
- Кобзарева Н.И.* Эволюция мира старости в крестьянской среде в 50-х гг. XIX в. – 1917 г. (на материалах губерний Центрального Черноземья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгородский гос. национальный ун-т, Белгород, 2014.
- Колганова Е.В.* Общественная полемика об организации яслей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 6. С. 60–73.
- Кон И.С.* К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. 1981а. № 6. С. 98–106.
- Кон И.С.* Этнография детства (проблемы методологии) // Советская этнография. 1981б. № 5. С. 3–14.
- Краснова О.В.* Роль бабушки: сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 89–114.
- Кремлева И.А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. / Ред. В.П. Терехов. М.: Наука, 2005. С. 517–532.
- Кудрявцев В.Ф.* Обзор этнографических данных, помещенных в “Нижегородском сборнике” // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXVIII. Труды этнографического отдела. 1877. Кн. 4. С. 77–96.
- Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871.
- Лауретьева Е.В.* (сост.) Бабушка, Grand-mère, Grandmother... Воспоминания внуков и внучек о бабушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX–XX веков”. М.: Этерна, 2008.
- М. и О.* Цифры и факты из переписи С.-Петербурга в 1900 году // Русская мысль. 1902. № 2. С. 72–92.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.
- Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сборник, издаваемый Русским Географическим обществом. 1853. Вып. 1. С. 203–234.
- Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984.
- Миненко Н.А.* Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Советская этнография. 1978. № 2. С. 72–82.
- Можаровский А.Ф.* Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стихах и песнях // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXVIII. Труды этнографического отдела. 1877. Кн. 4. С. 102–139.
- Мур Э.Р., Эткинд А.* Утомленные солнцем, унесенные ветром: суррогатное материнство в двух культурах. Семейные узы: модели для сборки. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Мухина З.З.* Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 99–115.
- Новиков А.* Записки земского начальника. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899.
- П.И.* Выбрасывание стариков и старух // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 145–146.
- Панченко А.* Образ старости в русской крестьянской культуре // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 265–273.
- Парпулова-Грибл Л.* Тайственная власть злой старухи – тема и вариации в русском фольклоре и литературе девятнадцатого века // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. № 8–9. С. 265–274.
- Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 2. СПб.: Типография II-го отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1879.
- Покровский Е.А.* Детские игры: преимущественно русские. М.: ТЕРРА, 1997.

- Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // Живая старина. 1896. Вып. 3–4. Отд. 1. С. 457–476.
- Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903.
- Потанин Г.* Этнографические заметки от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1–2. С. 167–235.
- Прокопьева Н.Н.* Старуха // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре / Ред. И.И. Шангина. СПб.: Искусство–СПб., 2005. С. 635–639.
- Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2005. С. 456–465.
- Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Русское народное чернокнижье. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. Ч. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1885.
- Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарисовки из крестьянского быта: Зарайский уезд Рязанской губернии. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устои. 1882. № 2. С. 63–107.
- Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903.
- Семенов С.* Из истории одной деревни. Записки волоколамского крестьянина // Русская мысль. 1902. Январь. С. 20–37.
- Семенова В.В.* Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотева. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 326–354.
- Степанов В.И.* Сведения о родильных и крестинных обрядах в Клинском у. Московской губернии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3–4. С. 221–234.
- Столяров И.Я.* Записки русского крестьянина // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма / Сост. М. Вострышев. М.: Современник, 1989. С. 323–484.
- Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. СПб.: Товарищество художественной печати, 1902.
- Титов А.А.* Юридические обычаи села Никола-Перевоз, Сулутской волости, Ростовского уезда. Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1888.
- Толстая С.М.* Праздник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. С. 237–240.
- Толстая С.П. и др.* (ред.) Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968.
- Трошина Т.И.* От Петра I до Сталина: социальная история Русского Севера (XVIII – первая четверть XX в.) в 2 ч. Ч. I. Архангельск: Поморский университет, 2009.
- Тульцева Л.А.* Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт / Отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 45–62.
- Уманский А.* Бытописатель переходного времени. О литературной деятельности Г.И. Успенского // Русская мысль. 1902. № 3. С. 110–134.
- Усачева В.В.* Медицина народная // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2004. С. 215–220.
- Успенский Г.И.* “Перестала!” (Из деревенских заметок) // Русская мысль. 1885. № 12. С. 200–220.
- Фирсов Б.М., Киселева И.Г.* (авт.-сост.) Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993.
- Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Статистико-социологические исследования в дореволюционной России. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Щербина Ф.* Русская земельная община // Русская мысль. 1880. № 5. С. 1–32.
- Энгельгардт А.Н.* Письма из деревни. М.: Алгоритм, 2010.
- Якушкин Е.И.* Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1. Ярославль: Типография Губернского правления, 1875.
- Neumann E.* The Great Mother: An Analysis of the Archetype. Princeton: Princeton University Press, 1968.

Research Article

Mukhina, Z.Z., and N.L. Pushkareva. Gender Aspects of the Old Age Category in the Russian Post-Reform Village [Gendernye aspekty kategorii starosti v russkoi poreformennoi derevne]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 161–180. <https://doi.org/10.31857/S086954150002457-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Zinara Z. Mukhina | <http://orcid.org/0000-0002-2226-1864> | mukhiny@mail.ru | Technological Institute NITU MISiS (m-r. Makarenko 42, Staryi Oskol, Belgorod Region, 309516, Russia)

Natalya L. Pushkareva | <http://orcid.org/0000-0001-6295-3331> | pushkarev@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Russians, peasant society, old woman, ritual activities, customs, rituals, holidays, moral norms

Abstract

This article discusses the economical and domestic roles of elderly women in the Russian peasant culture. We show why elderly women were frightening but at the same time cherished, and why *babushki* (grandmothers) are still the necessity in Russian everyday life. Old women in Russian families were co-organisers of the family routine and they sometimes had more power than their grown-up children. They were bringing young children up, thus giving free time to women of the fertile age, and they were treasuring traditions and legends. In the Russian post-reform village, it was elderly women who were forming public opinion, ensuring that the norms of morals and obligations would be followed by members of the family, peasant society, and they were organizing village festivals and other significant social events.

References

- Adonyeva, S.B. 1998. O ritual'noi funktsii zhenshchiny v russkoy traditsii [About the Ritual Function of Women in the Russian Tradition]. *Zhivaya starina* 1: 26–28.
- Adonyeva, S. 2009. *Dukh naroda i drugie dukhi* [The Spirit of the People and Other Spirits]. St. Petersburg: Amfora.
- Agreueva S[lavyansk]aya, O. 1881. O narodnoy poezii i pesne [About Folk Poetry and Songs]. *Russkaya mysl'* 11: 114–145.
- Aleksandrov, V.A., I.V. Vlasova, and N.S. Polishchuk, eds. 2005. *Russkie* [Russians]. Moscow: Nauka.
- Baiburin, A.K. 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of the Eastern Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
- Balov, A. 1899. Oчерки Poshekhon'ia [Essays on Poshekhonya]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1–2: 193–224.
- Baranov, D.A., and A.V. Konovalov, eds. 2004–2011. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V.N. Tenisheva*. Vol. 1–7 [Russian Peasants. Life. Household. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenishev. Vol. 1–7]. St. Petersburg: OOO “Delovaia poligrafia”.
- Bernshtam, T.A. 1982. Obriad “rasstavaniia s krasotoi” (K semantike nekotorykh elementov material'noi kul'tury v vostochnoslavianskom svadebnom obriade) [The Rite of “Parting with Beauty” (On the Semantics of Some Elements of Material Culture in the Eastern Slavonic Wedding Rite)]. In *Pamiatniki kul'tury narodov Evropy i evropeiskoi chasti SSSR. Sbornik MAE* [Memorials of Culture of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR. Collection of Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences], edited by T.V. Stanukovich, 38: 43–66. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 1988. *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Young People in the Russian Community Ritual Life in the 19th – Early 20th Centuries: Age and Sexual Aspects of Traditional Culture]. Leningrad: Nauka.
- Bernshtam, T.A. 2000. Skazka v bytu i kul'ture russkogo krest'ianstva (s ukrainko-belorusskimi paralelami) [Tale in the Life and Culture of Russian Peasantry (With Ukrainian-Byelorussian Parallels)]. *Traditsionnaia kul'tura* 1: 26–33.

- Bezgin, V.B. 2017. *Povsednevnyi mir russkoi krest'ianki perioda pozdnei imperii* [The Everyday World of the Russian Peasant Woman during the Late Empire]. Moscow: Lomonosov.
- Bronevskii, G.P. 1897. Etnograficheskie zametki [Ethnographic Notes]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 187–188.
- Do Brynkinina, E. 1876. Bytovaia zhizn' krest'ianki v Muromskom uезде [Everyday Life of a Peasant Woman in the Murom County]. *Ezhegodnik Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* I (1): 119–131.
- Efimenco, A.Ya. 1873. Krest'ianskaia zhenshchina [Peasant Woman]. *Delo* 2: 173–206.
- Engelgardt, A.N. 2010. *Pis'ma iz derevni* [Letters from the Village]. Moscow: Algoritm.
- Firsov, B.M., and I.G. Kiseleva, eds. 1993. *Byt velikorusskikh krest'ian-zemlepahtsev. Opisanie materialov etnograficheskogo biuro kniazia V.N. Tenisheva (na primere Vladimirskoi gubernii)* [The Life of the Great-Russian Peasant Farmers. Description of the Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenishev (On the Example of the Vladimir Province)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo doma.
- Genzen, P. 1900. Opyt ozdorovleniia derevni [Experience of Health Improvement of Villagers]. *Russkaia mysl'* 3: 111–153.
- Gorodtsov, V.A. 1897. Opakhivanie derevni vo vremia epidemii [Feathering Villages during Epidemics]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 186–187.
- Grinkova, N.P. 1936. Rodovye perezhitki, sviazannye s razdeleniem po polu i vozrastu (po materialam russkoi odezhdy) [Family Remnants Associated with Separation by Sex and Age (Based on Materials of Russian Clothing)]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 21–54.
- Gromyko, M.M. 1991. *Mir russkoi derevni* [The World of a Russian Village]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Gromyko, M.M., and A.V. Buganov. 2007. *O vozreniiakh russkogo naroda* [Views of Russian People]. Moscow: Palomnik.
- Gura, A.V. 2012. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik.
- I-va, D. 1884. Iz zapisok zemskogo vracha [Notes of a Zemsky Doctor]. *Russkaia mysl'* 12: 48–82.
- Ivanitskii, N.A. 1890. Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii [Materials on the Ethnography of the Vologda Province]. In *Sbornik svedenii dlia izucheniia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* [Collection of Information for Studying the Everyday Life of the Peasant Population of Russia (Customary Law, Rituals, Beliefs, etc.)], edited by N. Kharuzin, 2: 1–234. Moscow: Tovarishchestvo skoropech. A.A. Levenson.
- K. 1907. O snokhe i svekrovi (Smes') [About the Daughter-in-Law and the Mother-in-Law (Mix)]. *Zhivaia starina* 2: 5.
- Kabakova, G.I. 1994. O poskrebyshakh, mizintsakh i prochikh mamen'kinykh synkakh [About "Poskrebyshi", Little Fingers and Other Mummy's Sons]. *Zhivaia starina* 4: 34–36.
- Kabakova, G.I. 2001. Otets i povitukha v roditel'noi obriadnosti Poles'ia [Father and Midwife in the Maternity Rite of Polissya]. In *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiiakh narodnoi kul'tury* [Accouchement, Children, Midwives in the Traditions of Folk Culture], edited by E.A. Belousova, 107–129. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Kabakova, G.I. 2012. Starik, starukha [Old Man, Old Woman]. In *Slavianskie drevnosti. Vol. 5* [Slavic Antiquities. Vol. 5], edited by N.I. Tolstoi, 157–161. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Kadikina, O.A. 2003. Starukha: skazochnyi personazh i sotsial'nyi status [Old Woman: A Fairy-Tale Character and Social Status]. PhD diss. abstract, St. Petersburg State University, St. Petersburg.
- Kobzareva, N.I. 2014. Evoliutsiia mira starosti v krest'ianskoi srede v 50-kh gg. XIX v. – 1917 g. (na materialakh gubernii Tsentral'nogo Chernozem'ia) [The Evolution of the World of Old Age in the Peasant Environment in the 50^s 19th Century – 1917 (On the Materials of the Provinces of Central Chernozem Region)]. PhD diss. abstract, Belgorod State National University, Belgorod.
- Kolganova, E.V. 2012. Obshchestvennaia polemika ob organizatsii yaslei v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [The Public Debate about the Organization of Nurseries in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorii* 6: 60–73.
- Kon, I.S. 1981. Etnografiia detstva (problemy metodologii) [Ethnography of Childhood (Problems of Methodology)]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 3–14.
- Kon, I.S. 1981. K probleme vozrastnogo simbolizma [To the Problem of Age Symbolism]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 98–106.
- Krasnova, O.V. 2000. Rol' babushki: sravnitel'nyi analiz [The Role of Grandmother: Comparative Analysis]. *Psikhologiya zrelosti i starenii* 2: 89–114.

- Kremleva, I.A. 2005. Pokhoronno-pominal'nye obychai i obiady [Burial Funeral Customs and Ceremonies]. In *Russkii Sever: etnicheskaia istoriia i narodnaia kul'tura XII–XX vv.* [Russian North: Ethnic History and Folk Culture 12th–20th Centuries], edited by V.P. Terekhov, 517–532. Moscow: Nauka.
- Kudriavtsev, V.F. 1877. Obzor etnograficheskikh dannyykh, pomeshchennykh v “Nizhegorodskom sbornike” [A Review of Ethnographic Data Placed in the “Nizhny Novgorod Collection”]. *Izvestiia IOLEAE XXVIII. Trudy etnograficheskogo otdela* 4: 77–96.
- Kuznetsov, M. 1871. *Prostitutsiia i sifilis v Rossii. Istoriko-statisticheskoe issledovanie* [Prostitution and Syphilis in Russia: Historical and Statistical Research]. St. Petersburg: Tipografiia V.S. Balasheva.
- Lavrenteva, E.V. 2008. *Babushka, Grand-mère, Grandmother... Vospominaniia vnukov i vnuchek o babushkakh, znamenitnykh i ne ochen', s vintazhnymi fotografiiami XIX–XX vekov* [Babushka, Grand-mère, Grandmother... Memories of Granddaughters and Grandsons about Grandmothers, Famous and not so Famous, with Vintage Photos of the 19–20 Centuries]. Moscow: Eterna.
- M., and O. 1902. Tsifry i fakty iz perepisi St. – Peterburga v 1900 godu [Figures and Facts from the Census in St. Petersburg in 1900]. *Russkaia mysl'* 2: 72–92.
- Maksimov, S.V. 1903. *Nechistaia, nevedomaia i krestnaia sila* [Unclean, Unknown and Godmother Power]. St. Petersburg: Tovarishestvo R. Golike i A. Vilborg.
- Malykhin, P. 1853. Byt krest'ian Voronezhskoi gubernii Nizhnedeviskogo uезда [Everyday Life of Peasants in Voronezh Province of the Nizhnedevisk County]. *Etnograficheskii sbornik, izdavaemyi Russkim Geograficheskim obshchestvom* 1: 203–234.
- Maslova, G.S. 1984. *Narodnaia odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychaiakh i obriadakh XIX – nachala XX v.* [Folk Clothes in the Eastern Slavic Traditional Customs and Rituals of the 19th – Early 20th Century]. Moscow: Nauka.
- Minenko, N.A. 1978. Vzaimootnosheniia suprugov v russkikh krest'ianskikh sem'iakh Zapadnoi Sibiri XVIII – pervoi poloviny XIX v. [Spouse Relations in Russian Peasant Families of Western Siberia of the 18th – the First Half of the 19th Century]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 72–82.
- Mozharovskii, A.F. 1877. Ocherki zhizni krest'ianskikh detei Kazanskoi gubernii v ikh potekhakh, ostrotakh, stishkakh i pesniakh [Essays on Life of Peasant Children of the Kazan Province in Their Fun, Witticisms, Poems and Songs]. *Izvestiia IOLEAE. XXVIII. Trudy etnograficheskogo otdela* 4: 102–139.
- Mukhina, Z.Z. 2014. Sotsial'nye i vozrastnye gruppy v traditsionnom russkom krest'ianskom sotsiume poreformennogo vremeni: gendernyi aspekt [Social and Age Groups in the Traditional Russian Peasant Society of Post-Reform Time: The Gender Aspect]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 99–115.
- Mur, E.R., and A. Etkind. 2004. *Utomlennye solntsem, unesennye vetrom: currogatnoe materinstvo v dvukh kul'turakh. Semeinye uzy: modeli dlia sborki. Vol. 2* [Wear by the Sun, Gone with the Wind: Surrogate Motherhood in Two Cultures. Family Ties: Models for Assembly. Vol. 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Neumann, E. 1968. *The Great Mother: An Analysis of the Archetype*. Princeton: Princeton University Press.
- Novikov, A. 1899. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Notes of Zemsky Chief]. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha.
- P.I. 1901. Vybrasyvanie starikov i starukh [Tossing out Elderly Men and Women]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 145–146.
- Pakhman, S.V. 1879. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii. Yuridicheskie ocherki. Vol. 2* [Ordinary Civil Law in Russia: Legal Essays. Vol. 2]. St. Petersburg: Tipografiia II-go otdeleniia sobstvennoi E.I.V. kantseliarii.
- Panchenko, A. 2005. Obraz starosti v russkoi krest'ianskoi kul'ture [The Image of Old Age in Russian Peasant Culture]. *Otechestvennye zapiski* 3 (24): 265–273.
- Parpulova-Griibl, L. 1995. Tainstvennaia vlast' zloi starukhi – tema i variatsii v russkom fol'klоре i literature deviatnadsatogo veka [The Mysterious Power of Evil Old Woman – A Theme and Variations in Russian Folklore and Literature of the Nineteenth Century]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* 8–9: 265–274.
- Pokrovskii, E.A. 1997. *Detskie igry: preimushchestvenno russkie* [Children's Games: Mostly Russian]. Moscow: TERRA.
- Pokrovskii, F. 1896. O semeinom polozhenii krest'ianskoi zhenshchiny v odnoi iz mestnostei Kostromskoi gubernii po dannym volostnogo suda [About the Family Situation of a Peasant Woman in One of the Localities of the Kostroma Province According to the Volost Court]. *Zhivaia starina* 3–4 (1): 457–476.

- Popov, G.I. 1903. *Russkaia narodno-bytovaia meditsina. Po materialam etnograficheskogo biuro kn. V.N. Tenisheva* [Russian Folk Medicine. Based on the Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina.
- Potantin, G. 1899. Etnograficheskie zametki ot g. Nikol'ska do g. Tot'my [Ethnographic Notes from the Town of Nikolsk to the Town of Totma]. *Zhivaia starina* 1–2: 167–235.
- Prokop'eva, N.N. 2005. Starukha [Old Woman]. In *Muzhiki i baby: muzhskoe i zhenskoe v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Men and Women: Masculine and Feminine in Russian Traditional Culture], edited by I.I. Shangina, 635–639. St. Petersburg: Iskusstvo—St. Petersburg.
- Pushkareva, N.L. 2005. Zhenshchina v russkoi sem'e (X–XX veka) [A Woman in a Russian Family (10th–20th Century)]. In *Russkie* [Russians], edited by V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, and N.S. Polishchuk, 456–465. Moscow: Nauka.
- Sakharov, I.P. 1885. *Skazaniia russkogo naroda. Russkoe narodnoe chernoknizh'e. Russkie narodnye igry, zagadki, prislov'ia i pritchi*. Vol. 1 [Tales of Russian People. Russian National “Chernoknizhye”. Vol. 1]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
- Selivanov, V.V. 2011. *God russkogo zemledel'tsa. Zarisovki iz krest'ianskogo byta: Zaraiskii uезд Riazanskoj gubernii* [The Year of the Russian Farmer. Sketches from Peasant Life: Zaraisk County of Ryazan Province]. Moscow: LIBROKOM.
- Semenov, S. 1902. Iz istorii odnoi derevni. Zapiski volokolamskogo krest'ianina [From the History of one Village. Notes of a Volokolam Peasant]. *Russkaia mysl'* 1: 20–37.
- Semenova, V.V. 1996. Babushki: semeinye i sotsial'nye funktsii praroditel'skogo pokoleniia [Grandmothers: Family and Social Functions of the Ancestral Generation]. In *Sud'by liudei: Rossiia XX vek. Biografii semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniia* [People's Fate: Russia. The Twentieth Century. Biographies of Families as an Object of Sociological Research], edited by V. Semenova and E. Foteeva, 326–354. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Semevskii, V.I. 1882. Domashnii byt i nrvy krest'ian vo vtoroi polovine XVIII veka [Home Life and Customs of Peasants in the Second Half of the 18th Century]. *Ustoi* 2: 63–107.
- Semevskii, V.I. 1903. *Krest'iane v tsarstvovanie imperatrity Ekateriny II*. Vol. 1 [Peasants in the Reign of Empress Catherine II. Vol. 1]. St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha.
- Shcherbina, F. 1880. Russkaia zemel'naia obshchina [Russian Land Community]. *Russkaia mysl'* 5: 1–32.
- Shingarev, A.I. 2010. *Vymiraiushchaia derevnia. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniia dvukh selenii Voronezhskogo uyezda. Statistiko-sotsiologicheskie issledovaniia v dorevoliutsionnoi Rossii* [An Endangered Village. Experience of Sanitary and Economic Research of Two Villages of the Voronezh County: Statistical and Sociological Research in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Stepanov, V.I. 1906. Svedeniia o roditel'nykh i krestinnykh obriadakh v Klinskom u. Moskovskoi gubernii [Information about Maternity and Christening Ceremonies in Klinsky County Moscow Province]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3–4: 221–234.
- Stoliarov, I. Ya. 1989. Zapiski russkogo krest'ianina [Notes of the Russian Peasant]. In *Zapiski ochevidtsa: vospominaniia, dnevniki, pis'ma* [Notes of the Eyewitness: Memoirs, Diaries, Letters], edited by M. Vostryshchev, 323–484. Moscow: Sovremennik.
- Tarnovskaia, P.N. 1902. *Zhenshchiny-ubiitsy* [Female Murderers]. St. Petersburg: Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati.
- Titov, A.A. 1888. *Yuridicheskie obychai sela Nikola-Perevoz, Sulotskoi volosti, Rostovskogo uyezda* [Legal Customs of the Village of Nikola-Perevoz, Sulot County, Rostov Province]. Yaroslavl': Tipografiia Gubernskoi zemskoi upravly.
- Tolstaia, S.M. 2009. Prazdnik [Holiday]. In *Slavianskie drevnosti. Vol. 4* [Slavic Antiquities. Vol. 4], edited by N.I. Tolstoi, 237–240. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstov, S.P., ed. 1968. *Ocherki obshchei etnografii. Evropeiskaia chast' SSSR* [Essays on General Ethnography: European Part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Troshina, T.I. 2009. *Ot Petra I do Stalina: sotsial'naia istoriia Russkogo Severa (XVIII – pervaiia chetvert' XX v.) v 2-kh chastyakh* [From Peter I to Stalin: The Social History of the Russian North (18th – First Quarter of the 20th Century) in 2 parts], I. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet.
- Tultseva, L.A. 1989. Obshchina i agrarnaia obriadnost' riazanskikh krest'ian na rubezhe XIX–XX vv. [The Community and Agrarian Rites of Ryazan Peasants at the End of the 19th – Beginning 20th Centuries]. In *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt* [Russians: Family and Social Mode of Life], edited by M.M. Gromyko and T.A. Listova, 45–62. Moscow: Nauka.

- Umanskii, A. 1902. Bytopisatel' perekhodnogo vremeni. O literaturnoi deiatel'nosti G.I. Uspenskogo [The Writer of the Transitional Period: About Literary Activity of G.I. Uspensky]. *Russkaia mysl'* 3: 110–134.
- Usacheva, V.V. 2004. Meditsina narodnaia [Folk Medicine]. In *Slavianskie drevnosti*. Vol. 3 [Slavic Antiquities. Vol. 3], edited by N.I. Tolstoi, 215–220. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Uspenskii, G.I. 1885. "Perestala!" (Iz derevenskikh zametok) ["Stop it!" (From Village Notes)]. *Russkaia mysl'* 12: 200–220.
- Valentsova, M.M., and E.S. Uzeneva. 2009. Platok [Shawl]. In *Slavianskie drevnosti*. Vol. 3 [Slavic Antiquities. Vol. 3], edited by N.I. Tolstoi, 65–69. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Vesin, L. 1891. Sovremennyi velikorus v ego svadebnykh obychaikh i semeinoi zhizni [Modern Velikorus in His Wedding Traditions and Family Life]. *Russkaia mysl'* 10: 37–65.
- Vlasova, M. 1998. *Russkie sueverii. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Superstitions: Encyclopaedic Dictionary]. St. Petersburg: Azbuka.
- Vsevolozhskaia, E. 1895. Ocherki krest'ianskogo byta [Essays on Peasant Life]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1 (24): 1–34.
- Yakushkin, E.I. 1875. *Obychnoe pravo. Materialy dlia bibliografii obychnogo prava* [Customary Law. Materials for the Bibliography of the Customary Law]. Vol. 1. Yaroslavl': Tipografiia Gubernskogo pravleniia.
- Yokoyama, O. 2014. *Pis'ma russkikh krest'ian: teksty i konteksty* [Letters of Russian Peasants: Texts and Contexts], 2. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zhbankov, D.N. 1891. Bab'ia storona. Statisticheskoe-ethnograficheskii ocherk [The Woman's Side: Statistical and Ethnographic Sketch]. In *Materialy dlia statistiki Kostromskoi gubernii* [Materials for Statistics of Kostroma Province], VIII: 1–136. Kostroma.
- Zhuravlev, A.F. 1999. Dolia [Fate]. In *Slavianskie drevnosti*. Vol. 2 [Slavic Antiquities. Vol. 2], edited by N.I. Tolstoi, 113–114. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Zlatovratskii, N.N. 1987. Derevenskie budni (ocherki krest'ianskoi obshchiny) [Rural Everyday Life (Essays of the Peasant Community)]. In *Pis'ma iz derevni. Ocherki o krest'ianstve v Rossii vtoroi poloviny XIX veka* [Letters from the Village: Essays about Peasantry in Russia in the Second Half of the Twentieth Century], edited by Yu.V. Lebedev, 236–380. Moscow: Sovremennik.
- Zvonkov, A. 1889. Ocherk verovaniia krest'ian Elatomskogo uezda Tambovskoi gubernii [A Sketch of Peasants' Beliefs of Elatomsky County of Tambov Province]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 63–79.
- Zvonkov, A.P. 1889. Sovremennye braki i svad'ba sredi krest'ian Tambovskoi gubernii Elatomskogo uezda [Modern Marriages and Weddings among the Peasants of the Tambov Province of the Elatom County]. *Trudy etnograficheskogo otdela IOLEAE. Sbornik svedenii dlia izucheniia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* I: 24–49.